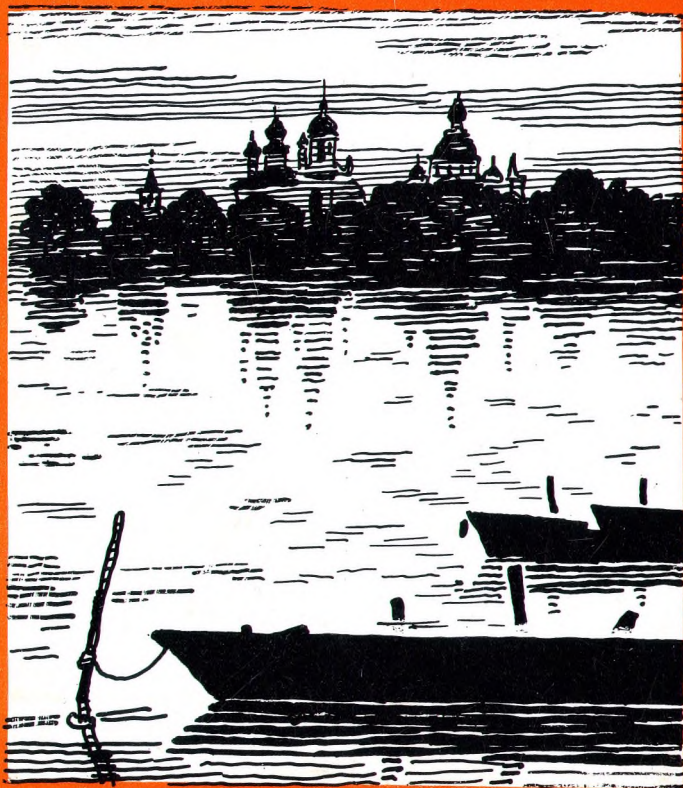

P2 9P
765

Олег Гонозов

Признание
ГОРОДУ

Стихи члена Союза российских писателей Олега Гонозова публиковались в периодической печати, коллективных сборниках Верхне-Волжского книжного издательства, журналах «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Культурно-просветительная работа», «Русь».

Ранее вышли две книжки рассказов Гонозова: «Судьбы на ветру» в 1991 году и «Татьянин день» в 1996.

Олег Гонзов

P29P
r65

Олег Гонзов

31.03.2016.

А/С

ПРИЗНАНИЕ ГОРОДУ

стихи

Ярославль
«СОДЕЙСТВИЕ»

1997

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

ББК 84 Р2
Г65

Рецензент
член Союза российских писателей
Новикова Л. Н.

Гонозов О. С.
Признание городу: *стихи*. — Ярославль: ЗАО Фонд
гражданских инициатив «Содействие», 1997. — 32 с.

Собранные в этой книге стихи проникнуты болью и заботой о
родном крае, любовью к окружающей природе, к людям, сохраняю-
щим эту красоту.

Г $\frac{4702010200-05}{9Н9(03)-97}$

ISBN 5—900553—11—6

© Олег Гонозов, 1997

РОСТОВСКИЙ КРАЙ

Край Ростовский!
Да есть ли на свете
Край другой,
Чтобы в нем без чудес
Появились вдруг церковки эти
И озерная гладь до небес?..

Стариной,
Словно сказкою древней,
Дышат даже названия рек,
Ближних сел и глубинной деревни,
Что когда-то назвал человек:

Неро, Векса, Селище, Залужье,
Сулость, Львы, Дертники, Хмельники...
Не придумаешь, кажется, лучше,
Чем придумали встарь мужики.

ЗИМНИМ УТРОМ

Давно в снегу любимая сторонка.
Мороз гуляет ночью у ворот.
А ранним утром
Вся в снегу девчонка
Старинным городом на фабрику идет.

Ее платок снежинками искрится.
Зима ей нежно смотрит вслед.
Покрылись инеем, как бисером ресницы...
Идет девчонка —
Ей шестнадцать лет.

Сколько выпало в городе снега!
Две недели подряд снегопад —
И сливается с озером небо,
И дома все в сугробах стоят.

Ни мороза, ни ветра — затишье,
Над церквями, как в сказочном сне,
Снег кружится настолько неслышно,
Словно в небо летит, не к земле.

РОСТОВЦЫ

Все-то в мире познается в спорах!
Вот кому-то интересно знать,
Как же надо жителей Ростова
Правильно по-русски называть?

Ростовчане или же ростовцы,
Тридцать с лишним тысяч человек?
«Архи-умудренные» вопросы
Мы решаем в наш двадцатый век...

Нет любви у тех, кто звал свой город
Глухомань, заброшенный райцентр,
Не бродил по улочкам Ростова,
По валам и у кремлевских стен.

Только те ростовцы коренные —
Я всегда их сразу узнаю, —
Кто Ростов навеки полюбили,
В нем увидев родину свою!

Жизнь отдав «Цикорке» или «Рольме»,
В «девичьем» селились и в «царьке»
И обиды к городу не помнили...
Этим-то и дороги вы мне!

СВЕТ В ОКНЕ

Позабить мне нельзя городскому,
Как впервые приехав в село,
Подошел к незнакомому дому
Я с дороги усталый и злой...
Путь мой долгий напрасным казался,
Почему? И не вспомнить теперь.
Не забуду как долго стучался
Кулаком в почерневшую дверь.
На крыльцо вышла бабка глухая —
Вся седая, слепые глаза...
Она молча вникала, моргая,
В то, о чем я с дороги сказал.
Следом вышла девчонка в фуфайке
И мужских до колен сапогах.
Оглянувшись, прошла до сарайки,
Как колдунья ночная впотьмах...
Пахли сеном духмяным, знакомым,
И дождем, и вечерней рекой
Ее волосы цвета соломы,
Вспыхнув желтым костром предо мной.
И еще помню грязь, бездорожье,
Темнотищу — куда ни взгляни...
Но все ближе, родней и дороже
Для меня в моем прошлом те дни.
Слышал я, что та бабка глухая
Отдыхает давно уж в земле...
Я ее все равно вспоминаю
В чередѣ своих прожитых дней...
А девчонка уехала в город,
Вышла замуж... И все же она
Сквозь потемки идущая гордо
Будет видѣться в прошлом всегда...
И в нахлынувшей к сердцу обиде
Вспоминаю все чаще про то,
Как с дороги свет в окнах увидел.
Свет, который не видел никто.

В МОНАСТЫРЕ

Ухожу в монастырь...
То есть за стены
Спасо-Яковлевского монастыря.
И, сняв кепку, шепчу ему:
— Здравствуйте!
Как давно не входил сюда я.

Боже мой,
В каком строгом молчании
Храм Зачатья встречает меня:
С нескрываемой величавостью
Купола в свете солнца горят.

А за стенами
Плещется озеро.
Чайки громко о чем-то кричат...
Увези куда хочешь —
Все бросил бы,
Чтоб сюда возвратиться назад!

ГОНОРАР

На удивление соседям,
А главное — учителям
Я вдруг поэзией стал бредить...
С чего? Зачем? Не знаю сам.

Писал и днями и ночами
Неровным почерком в тетрадь
О том, что было за плечами...
Хоть что я мог тогда сказать?

Меня считали деревенщиной,
Привыкшей лаптем щи хлебать.

А я стихи любимой женщине
В газеты начал посылать...

Она, наивная, не ведала,
Кто в чувствах клялся напролом,
Хоть каждый день со мной обедала
В бытовке за одним столом.

И вдруг, как снег в разгаре лета,
Как среди айсбергов пожар —
Одна районная газета
Прислала почтой гонорар...

Обрел как будто сразу крылья я —
Вот это в жизни поворот!
Мои стихи! Моя фамилия!
И на два сорок перевод...

РОДНЯ

Я — грузчик.
И друг Сашка — грузчик.
Роднит нас асбеста мешок.
Отдав ему ноги и руки,
Под вечер мы валимся с ног.

Четыре часа сверхурочных.
Всего лишь четыре часа,
А день уже кажется ночью,
Которой не видно конца.

Стоим, глядя в звездное небо,
У целой страны на виду.
Болтаем какую-то небыль
И всякую там ерунду.

И верим в любовь и удачу,
Что будет нам жизнь украшать.
Да просто нельзя нам иначе,
Привыкшим мешки разгружать.

ОТЕЦ

Мой отец — инвалид первой группы
Врос с семнадцати лет в костыли,
Так что с юности сильные руки
Две бессильных ноги волокли.

Веселился народ вечерами,
Разучившись плясать за войну.
Хорошо было тем, кто с ногами,
Только что было делать ему?

Вся деревня плясала и пела
Под гармошку и под патефон...
И смотрел он на пляшущих девок,
Словно видел мальчишеский сон.

В этом сне он еще был здоровым,
Полным веры и жизненных сил:
И хватало до лета коровам
Стога сена, что он накопил...

Он не клял мне судьбу свою злую,
Только я все как есть напишу:
За отца долюблю, доцелую,
Досмеюсь, допою, допляшу!

* * *

О чем я успел передумать,
И вспомнить сумел я о чем,
Когда, убегая от шума,
Вдруг сумерки тронул плечом?

Багряные листья спешили
Осеннюю землю укрыть...
Ах, сколько мы в жизни грешили?
И сколько осталось грешить?

Нам нечего больше бояться...
Зимы? Она быстро пройдет.
Пусть под ноги листья ложатся,
И тает в душе нашей лед...

И дай Бог в любовь окунуться
Тому, кто влюблен и любим...
А мне бы щекой прикоснуться
К озябшим коленям твоим...

БАЛЛАДА О СНЕГОПАДЕ

Еще один поезд уехал
В ночную холодную даль
Под вой очумелого снега,
Что бросил вдогонку январь.
Колеса по рельсам стучали
С каким-то ехидством и злом,
И вспышками окна мелькали,
Скрывая чужое тепло.
Перрон задувало порошей,
Я шел по перрону один,
Такой молодой и хороший
Заснеженный весь гражданин.
И все было так непривычно,

И было привычно все так,
Что сам признавал я отлично,
Какой я влюбленный чудак.
Влюбленный?
В кого ж я влюбился?
Не в ту ли, что месяц назад
Со мной на перроне простилась
В такой же чумной снегопад?
Я, честно признаться, не знаю,
Как будто затменье нашло,
Что тот снегопад вспоминая,
Меня как огнем обожгло...
И стало тоскливо-тоскливо,
И так захотелось опять
Идти, как тогда, торопливо
На поезд ее провожать...

ГРАЧИ

Снег стаял.
А в поле грачи
О весне что-то громко галдят.
Не мешай им.
Постой.
Помолчи.
Ведь они возвратились назад.

Ведь они прилетели домой,
И нам радости их не отнять,
Мы ведь тоже когда-то с тобой
Возвращаемся с грустью назад...

Как контрастна на грязном лугу
Непривычная их чернота...
Я слезу удержать не могу,
Только им не понять ни черта...

ЖГУТ ТРАВУ

Будто резвый молоденький конь
С неподатливым вспльчивым нравом,
Ярким пламенем рыжий огонь
Бойко скачет по высохшим травам.

Пацаны на валах жгут траву,
Где с любимую шли мы когда-то,
И мне кажется, как наяву,
Что всю жизнь перед ней виноват я.

Жгут траву.
Словно сердце мне жгут.
Не ищу у судьбы оправданья:
Как на казнь, по валам я иду,
Где счастливым бежал на свиданье...

У ЦЕРКВИ ВОЗНЕСЕНИЯ

Не кривлю душой,
Но в воскресенье,
Позабыв высокие слова,
В центре,
Возле церкви Вознесения,
Я брожу в раздумье по валам.

Думаю о городе, о людях,
Что бульваром ходят в этот час:
Век пройдет —
И никого не будет
Из сегодня здравствующих нас.

Только вот
Дано же нам судьбою
В городе былинном этом жить,
Эту землю называть родною,
По-сыновьи ею дорожить...

ПЕСНИ ЦЫГАН

Облетает листва.
Дни короче и тише,
Словно свечки сгорают
В огне сентября.
Снова в таборе я
Песнь цыганскую слышу,
И сижу в эту ночь
У чужого костра.
Как из мрака,
Протяжно, тревожно и чисто
Выплывают слова и плывут,
Не касаясь земли,
Под гуденье костра,
Под бренцанье дешевых монисто
И под ржанье коней,
Табуном загулявших вдали.
Что в них?
Боль или грусть,
Или, может, тоска увяданья?
Невозможно понять —
Тут хоть тысячу слов напиши.
Песнь цыган, ты как плач,
Как предсмертное наше прощанье.
Даже камень заплачет
От этого крика души!

* * *

Сидим оба пьяные-пьяные.
За окнами полночь давно...
Эх, тройку сейчас бы,
Да саночки,
Ямщицкое громкое «Но!»

Дорогой знакомой заснеженной
Со свистом до звона в ушах
Промчались с тобою на бешеных,
Одним нам подвластных конях.

Завыла метель бы в отчаяньи,
Встречая незваных гостей,
Но что нам она, раз отчалили
Туда, где вдвоем веселей?

Промчались бы так,
Что не выскажешь!
И лишь, подкатив ко дворцу,
Тебя я из саночек высадил
К седому от снега крыльцу.

Ты в беленькой шубке на тропочке,
Как зимняя сказка стоишь...
Приложимся что ли по стопочке?
Да ты, я смотрю, уже спишь...

ГРУСТНЫЙ ВАЛЬС

Мягкие пушистые снежинки
Кружатся в холодной тишине.
«Грустный вальс»
С заезженной пластинки
О тебе напоминает мне.

А зима уже на переломе —
Все светлее небо по утрам,
И деревьев ледяные кроны
На ветру позванивают нам.

И хочу я верить в наше счастье,
Что далеким кажется сейчас...

«Грустный вальс» звучит
С особой страстью...
Может быть, уже в десятый раз.

ПАМЯТЬ

И я уезжал ранним утром
В холодных пустых поездах
Туда, где заснеженно круто
Скрываются рельсы впотьмах.

Мелькали огни светофоров,
Вставал бледно-синий рассвет,
А память мою без разбору
Тревожила боль юных лет.

Мне виделся город огромный,
Большие чужие дома,
Рекламы, как росчерки молний,
Метелей слепых кутерьма.

Замерзшие окна трамваев,
Огни ошалелых такси...
Как долго любовь заживает,
Как мучает ночью в пути...

ДЯДЯ САША

В валенках подшитых и фуфайке
Дядя Саша летом и зимой
От крыльца спускается к сарайке
Или к речке утром за водой.
Он идет неспешно.
И не слышно

Под его ногами снега скрип.
Даже ветер, воющий над крышей,
На мгновенье, кажется, охрип.
Дяде Саше
Восемьдесят восемь.
На лице его не счесть морщин —
Вот уж восемнадцатую осень
Без старухи встретил он один.
Я иду за дядей Сашей следом
По его проторенной тропе...
Вот бы мне таким же непоседой
В его годы выходить к реке...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Вот он — снег,
Первый снег — неудачник.
Коротка его жизнь —
Только ночь...
Но он первый,
Ведь не было раньше.
Первый снег!
Не гони его прочь.
Все бело, необычно до боли.
И легко на душе, как весной.
Первый снег
Из холодной неволи
Зиму выпустит вслед за собой.
Первый снег!
Все в снегу утопает.
И хотя невелик его век,
Посмотрите,
Как гордо он тает —
Этот первый
Отчаянный снег!

ПЕРЕКУР

Из вагона пакеты с асбестом,
Поудобней взвалив на плечо,
Мы таскали по трапу до места
Так, что было плечам горячо.
Разгрузив половину вагона,
Бригадиру сказали в глаза,
Что по нашим подрядным законам
Покурить надо нам с полчаса.
Он ушел.
И бригада курила.
— Ну, а ты что, салага, сидишь? —
Громко гаркнул огромный верзила. —
— Раз не куришь — работай иди!
И, блестя самодельною фиксой,
Закатил мне такого «леща»,
Что я сразу работой проникся,
От верзилы спасенья ища.
Я таскал.
Мужики гоготали,
Что казалось дрожит весь вагон:
— Ну и парень!
— Представим к медали!
— Худошавый, а пашет, как слон!
Я от злости был рад разреветься
И, вступая на шаткий настил,
Проклинал босоногое детство
Лишь за то, что тогда не курил...

РАЗНОРАБОЧИЙ

Мне говорят:
— Хребет сломаешь, парень.
— Смотри, браток, кишку не надорви!

А я один тащу болванку стали:
Четыре пуда, что ни говори!

В огромных валенках и простенькой фуфайке,
Я, неуклюже грозный и большой,
К голицам примерзающие гайки
Закручиваю намертво рукой.

Сгребаю снег. Вгрызаюсь в землю ломом...
И так всегда, с восьми и до пяти,
Я выбываю из родного дома,
Чтоб хлеб и соль для дома принести.

* * *

Стекло оконное в загадочных узорах,
И сыплет снег который день подряд.
А во дворе, у самого забора,
Рябины ярким пламенем горят.

Казалось бы, какое мое дело
До алых гроздьев, мерзнущих в снегу?
Но как увижу красное на белом,
То оторваться взглядом не могу.

Как будто откровенность обнажилась
В покорной беззащитности своей:
Ведь на ветру бездушном стыннут жилы
У хрупких и заснеженных ветвей.

И больно мне от зрелища такого,
Я тронут им, доверчивый, до слез:
Ведь и меня за искренность, босого,
Швыряла жизнь с насмешкой на мороз...

ГЛАЗА ХУДОЖНИКА

Этюдник,
Старая палитра,
Подрамник сломанный в углу,
Олифы высохшей пол-литра
И ящик красок на полу.

Худой,
Обросший, как острожник,
С утра до вечера один,
Немолодой уже художник
Из дома редко выходил.

Потом пропал.
Верней — уехал,
Не взяв с собою ничего.
Мальчишки наши на потеху
Картины вынесли его.

Смеялись,
Спорили,
Делили
Кому какое полотно,
Как хлам на улице свалили,
Мол, бесполезны все равно.

Но вот однажды
Среди ночи,
Когда ударила гроза —
В холстах забытых и промокших
Зажглись художника глаза.

* * *

Я морем заболел,
Влюбился в море,
Когда судьба забросила меня
На тихий берег жаркого Приморья,
Где солнце вечером, как зарево огня.
Где в предрассветном утреннем тумане
Соленый воздух душит и пьянит,
И высоко повиснув над волнами,
Как символ моря,
Чайка пролетит.
Приморский край!..
Опять не сплю ночами,
Ты словно мой давно забытый сон,
В котором я как будто бы случайно
Вдруг встретил ту,
Что с детства был влюблен.
Она и море —
Две загадки жизни,
Две вспышки молний в сумрачной тиши.
Она и море. Нет родней и ближе
Для вымоганной в странствиях души.

* * *

Она казалась мне девчонкой.
В мерцаньи редких фонарей
Ее фигурки хрупкой, тонкой
На свете не было стройней!

Глаза, как утренняя дымка —
Большие серые глаза...
С такой нельзя идти в обнимку,
Прикинув, я себе сказал.

И словно тень тащился сзади,
За локоток ее ведя.
И говорил ей шутки ради
Какой несмелый парень я.

Она смеялась целый вечер:
— Чудак, чудак...
Домой ушла, как девочка.
Хотя до нашей встречи
С другими женщиной была.

У КИОСКА

Покупает девочка в киоске
Пачку заграничных сигарет.
Смотрят окружающие косо
На ее шикарных брюк вельвет,
На ее походку и прическу,
Тоненькие тропочки бровей...
Все в ней слишком модно,
Слишком броско —
Вроде как бы и не у людей.
— Дорогие курит сигареты!
Еще слышно:
— Ну, и молодежь!
— Распустили!
— Хорошо одета...
— Отвяжитесь, разве их проймешь!
Только мне хотелось очень верить,
Не сдаваясь в спорах до конца,
Что девчонка сигареты эти
Не себе купила — для отца...

ВЕЧЕРОМ

В час вечерний, холодный и сумрачный
Все сильнее меня тянет уйти
Не к родным, не к друзьям, а на улицу,
Где трамвайные мокнут пути,
Где листва осыпается под ноги,
И неистово пахнет травой,
Где настолько все мило и дорого
От предчувствия встречи с тобой!

Я ВИДЕЛ МОРЕ

Я видел море...
Черное оно.
А мне казалось: светло-голубое,
Зеленое, как чистое стекло —
Прозрачное.
Безбрежное,
Святое!
Я видел море...
Больше ничего.
И жизнь моя,
Перевернувшись, легче стала:
Я видел в нем часть взгляда твоего...
Жаль,
Что об этом ты тогда не знала.

ЖУРАВУШКА

Журавель, журавушка,
Здесь ведь твоя родина,
Здесь ходил по травушке
У кустов смородины.
Воду пил на реченьке,
Просыпался с зоренькой.
Здесь тебе и легче бы
Жизнь прожить молоденьким.
Почему, журавушка,
Улетаешь осенью?
Или наша травушка
На сердце не просится?
Отвечал журавушка:
Потому летаю,
Чтоб на эту травушку
Привести всю стаю.

НА СТАНЦИИ

Холодный свет вечерних фонарей,
Пустой вокзал с заснеженным перроном.
Мороз — и звезды на небе ясней,
И ярче снег от света из вагонов.

Все торопливей мчатся поезда,
И, кажется, они с собой уносят
Со станции часть света и тепла,
Скрываясь в темноту декабрьской ночи...

НАВАЖДЕНИЕ

Я иду по скрипучему снегу
В непроглядной ночной темноте
К незнакомому мне человеку,
Что позвал меня как-то во сне...

Жутко мне.
Я немею от страха,
Утопая в кладбищенской тьме:
От холодного пота рубаха
Прилипает к горячей спине.

Поднялись над забытым погостом
Деревянные руки крестов.
Шаг за шагом дается не просто —
Уж поверить я в Бога готов!

Только б снежного скрипа не слышать,
Только б больше не чудился мне
С каждым шагом все ближе и ближе
Тот, который явился во сне.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

На снегу рябина догорает,
А вокруг такая тишина,
Что природа, словно неживая,
Этой тишиной поглощена.

Жалкая процессия знакомых.
На венках бумажные цветы.
Под ногами глины мерзлой комья
И могильный холод пустоты.

Так ли он хотел, чтоб это было?
Так ли себе это представлял?
Только гроб скорехонько закрыли,
И уж кто-то гвозди забивал...

ЗАКЛИНАНИЕ

Я любил тебя так,
Как никто никогда!
Как любил я тебя —
Ты же знаешь сама.
И сейчас эти строчки
Затем лишь пишу,
Чтоб ты знала,
Что только тобой я дышу...

Заклинаю, молю:
Будь любимой моей
До конца наших дней,
До конца наших дней!
До последнего вдоха
И вспышки огня
Не забудь про меня,
Не забудь про меня!

ПРИЗНАНИЕ ГОРОДУ

1

Отступает туман от Ростова,
Очертанья кремля все ясней...
И мне чудится, будто бы снова
Возвращаюсь в мир прожитых дней.
...Пробираюсь
Мальгинским садом.
Ближе к Паточному, на берегу
Пахнет озеро хлебом и квасом —
Я тот запах навек сберегу!
В мутной заводи бьются плотвицы,
Разыгрались, дразня рыбаков...
И скрипят, как скрипят половицы,
Ненадежные доски мостков...
Я таким тебя помню, Ростов!
Осень листья срывала с деревьев,
Обнажая кору тополей,
И Ростов, как большая деревня,
Затихал в милом шуме аллея.
Поднимая клубы серой пыли,
Возвращались коровы с пастьбы,
И мальчишки уже говорили,
Что пошли на Торфянке грибы.
Гулко падали яблоки наземь,
Дождь высверливал крыши домов...
И осеннею тусклостью сразу
Покрывалась краса куполов...
Я таким тебя помню, Ростов!
Снег повалит, отчаянный, первый...
И декабрь, как волшебник чудной,
Льдом покроет затихшее Неро
И пруды во дворах заодно.
Ранним утром, закутанный в иней,

Пробираюсь сквозь мерзлую мглу
До «Лабазы» с бачком керосиновым,
Чтоб купить керосин на углу...
Не могу и про то я не вспомнить,
Как на санках со снежных валов
Улетал через Пигу в Питомник,
Не считая потом синяков...
Я таким тебя помню, Ростов!
Снег сходил, и земля пробуждалась.
Мы траву прошлогоднюю жгли
И копали без всякой усталости
Огородов клочки, как могли...
За телегами с криком гонялись,
И катались на них до угла...
Жизнь дорогою вечной казалась,
И казаться другой не могла!
Сколько раз той дорогой шагая
По жаре и по морю снегов,
Я невольно тебя вспоминаю,
Самый близкий из всех городов!
Я таким тебя помню, Ростов!

2

Ты помнишь город, ее звали Леной,
Девчонку, что по улицам твоим
В короткой юбке, не прикрыв коленей,
Со мною шла на зависть всем другим?
За эту юбку мать не раз бранила,
Старухи во дворе плевались вслед...
Но самой чистой, нежной, доброй, милой
Она была в свои шестнадцать лет.
Мне было восемнадцать.
Я не смел ей
Сказать,
Что должен был сказать одной...

И всякий раз, как барышня краснел я,
Встречая у фабричной проходной.
Мы шли и никого не замечали,
Как будто были в городе вдвоем...
Мы первую любовь свою встречали!
И ты один, мой город, знал о том!
Ты видел нас, когда никто не видел.
Ты знал о нас то, что никто не знал.
Делил тревоги, радости, обиды,
Грустил в разлуке, в ссорах ревновал.
Мы замирали, глядя друг на друга,
Нарадоваться счастьем не могли!..
И лишь когда судьба швырнула круто,
Единственной любви не сберегли...
Ты стал мне, город, сразу вроде брата,
Когда она уехала от нас...
И с дальней стороны в Ростов обратно
Со мною вместе звал ее не раз...
Я ждал ее.
Я верил, что вернется.
И ты, мой город, помогал, как мог
Мне за любовь свою в те дни бороться,
И не пускать измену на порог.
Она приехала.
И мы ее простили.
Мы не могли, конечно, не простить.
Ты видел, как друг друга мы любили —
Так вряд ли кто еще умел любить!
МНЕ ЭТОГО НИКАК НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ!

3

Ростов в осенней желтизне листы
По-своему загадочно красивый.
Кремль белым лебедем встает из синевы,
Над озером раскинув стены — крылья...

Нет у меня от озера секретов.
Оно, как сказка детства моего.
Пока живу, дышу на белом свете —
Ему молось и верую в него...
Озером мое Неро —
Искушение мое и мера
Всех грехов, всех обид забытых,
В твоей светлой купели скрытых!
Озеро мое Неро,
Утешь мое сердце и нервы
Прохладной вечерней волною
И мраморною голубизною.
Озеро мое Неро,
Для меня ты всегда будешь первым.
Ведь недаром ты кажешься, Неро,
Перевернутым на землю небом!

4

Я рабочей спецовки
Никогда не стыдился...
Надо мною смеялись,
Что в спецовке родился,
Что судьба моя будет
На работу богата,
И что ждет меня в жизни,
Как ни странно, лопата...
Неуклюжий, высокий,
Я пришел на работу.
И ее мне хватало
До двадцатого пота...
И, быть может, случайно,
А, быть может, по благу
Мне вручили сначала
Штыковую лопату.
С той лопатой по жизни

Я пошел неразлучно,
И мозолями шкурил
Деревянную ручку.
Жил, как водится, бедно
На скупую зарплату,
Но на всю жизнь запомнил,
Как вручали лопату...
В трудовой книжке строчки,
Как зарубки ложились...
Мы в туде с тобой, город,
Еще крепче сдружились...
Много разного было,
Обо всем не расскажешь...
Ты навеки остался
В трудовом моем стаже!

•
5

Я вернусь к тебе,
Город мой древний,
Тихим утром
Осенним приду,
Когда желтые листья
С деревьев
Умываются
В старом пруду.
Когда зарево
Спелой рябины
Содрогнется
От капель дождя,
И рассвет,
Будто блудного сына,
Нежно за плечи
Тронет меня.
Я вернусь...
И с тобой,

Город древний,
О несбывшемся
Буду грустить,
И опавшие листья
С деревьев
Акварелью
В пруду разводить

Содержание

Ростовский край	3
Зимним утром	3
«Сколько выпало в городе снега!..»	4
Ростовцы	4
Свет в окне	5
В монастыре	6
Гонорар	6
Родня	7
Отец	8
«О чем я успел передумать...»	9
Баллада о снегопаде.....	9
Грачи	10
Жгут траву	11
У церкви Вознесения	11
Песни цыган	12
«Сидим оба пьяные-пьяные...»	12
Грустный вальс	13
Память	14
Дядя Сапа	14
Первый снег	15
Перекур	16
Разнорабочий	16
«Стекло оконное в загадочных узорах...»	17
Глаза художника	18
«Я морем заболел...»	19
«Она казалась мне девчонкой...»	19
У киоска	20
Вечером	21
Я видел море	21
Журавушка	22
На станции	22
Наваждение	23
Последний путь	23
Заклинание	24
Признание городу	25

Олег Сергеевич Гонозов

Признание городу

Стихи

Технический редактор *Е. Н. Кузнецова*

Художник *А. Н. Селищев*

Корректор *Н. М. Родионов*

ЛР № 062346 от 03.03.93 г.

Сдано в набор 25.06.97.

Подписано в печать 08.08.97.

Гарнитура литературная.

Бумага офсетная.

Печать офсетная. Объем 2 п. л.

Формат 70×100/32. Тираж 500 экз.

Заказ 9552.

ЗАО ФГИ «СОДЕЙСТВИЕ»,

150003, г. Ярославль,

ул. Советская, 63а, к. 2.

Тел.: (0852) 25-42-24,

25-42-15.

ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».

150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.